

Уход Ланса из школы подвел черту: теперь каждый из парней окончательно сошел с праведного пути, который навязывало им общество. Все они дружно покатались по наклонной. И если они не хотели до конца дней оставаться в глазах обывателей социальным мусором, оставалось только одно — поставить на карту всё. Пробриться, выгрызть себе имя с помощью музыки и доказать упрямому миру, что их выбор был верным.

Мосты сожжены. Обратного пути не было.

Они не устраивали долгих обсуждений, но каждый без слов понимал: шутки кончились, пора браться за дело всерьез.

И вот тогда к Лансу наконец-то снизошла муза. С опозданием, но очень вовремя. Она будто намекнула: главное — нащупать правильный нерв, и тогда всё сложится само собой.

А его вылет из школы...

Вне всяких сомнений, именно это событие и послужило тем самым мощным толчком, всколыхнувшим в его голове лавину новых идей.

В ту же ночь он на одном дыхании написал песню, назвав её «Меретришес». На следующий день, едва завидев Джеймса, Ланс взволнованно протянул ему блокнот с нотами и текстом, а сам поудобнее перехватил гитару, готовый аккомпанировать, чтобы с ходу проверить звучание и, если нужно, подправить огрехи.

Джеймс на автомате взял блокнот.

Но стоило ему мазнуть взглядом по названию, как он так и застыл с глупым видом.

— Блин, а это что еще за чертовщина? — вырвалось у него.

В комнате повисла короткая тишина.

Осознав, что ненароком выдал свою неграмотность, Джеймс неловко ухмыльнулся, пытаясь замаять конфуз.

Быстро сделав вид, что ничего не произошло, он решил реабилитироваться в глазах друга. Уставившись во все глаза на исписанный лист, Джеймс попытался пропеть строчки, но чем сильнее он напрягался, тем быстрее буквы расплывались перед глазами.

Он нервно водил пальцем по строчкам, силясь разобрать эти проклятые закорючки, от которых голова шла кругом. На лбу выступила испарина, но тщетно — буквы не желали складываться в слова.

Секунды тянулись томительно долго, словно вечность. Вдруг Ланс мягко вытянул блокнот у него из рук.

Джеймс даже головы поднять не смел от стыда — позор-то какой!

Внутри привычно закипали злость, раздражение и обида на собственное бессилие, но к ним неожиданно примешалось смутное чувство вины.

Раньше он никогда не стыдился своей дислексии. В конце концов, люди не боги, уметь всё невозможно! Некоторые вон водить не умеют до старости, и ничего, прекрасно живут. Но когда дело касается того, что любому дураку дается без труда, а ты спотыкаешься на первом же шаге... Что ж, это действительно паршиво. Обламывает весь кайф.

Особенно когда Ланс так горел этой идеей.

— У каждого свои косяки, а, бро? — заговорил Джеймс, пытаясь замаять неловкость.

Его зеленые глаза беспокойно заматались. С трудом выдавив улыбку, он затараторил, сиюсь разрядить атмосферу:

— Я же не такой башкавитый, как ты. Но ты давай нос-то не задирай и за идиота меня не держи! Я просто... ну, не ботан, короче...

Но Ланс не стал его перебивать.

Вместо этого он спокойно, негромко зачитал:

— «Меретришес»... «Дешевка». «Бросай его скорее, бросай его, детка, он ведь не мужик...»

Джеймс опешил. До него не сразу дошло, что друг просто надиктовывает ему текст. Он удивленно вскинул голову.

Заметив его взгляд, Ланс притворно нахмурился и легонько щелкнул его по лбу:

— Не отвлекайся, уши прижми и слушай внимательно.

Ни капли безгливости, ни намека на издевку или упрек. Ни единого слова, которое заставило бы его почувствовать себя ничтожеством.

Да! Вот это настоящий бро!

Джеймс облегченно выдохнул и глуповато заулыбался. Напряжение испарилось без следа. Его зеленые глаза так и засияли, а на губах показалась довольная улыбка, приоткрывающая острые клыки.

В следующую секунду он, словно преданный щенок, радостно придвинулся ближе и доверчиво привалился плечом к Лансу. Заглядывая в злосчастный блокнот, Джеймс весь превратился в слух, жадно ловя каждое слово.

И произошло чудо. Под звуки голоса Ланса эти проклятые, вечно расплывающиеся буквы вдруг начали выстраиваться в четкие, понятные ряды. Будто яркая вспышка молнии разом разогнала липкую тьму в голове, проливая свет на глухие дебри текста.

Всего два повторения!

Этого хватило, чтобы он намертво запомнил весь текст до последнего словечка — даже это зубодробительное «Меретришес».

Просто невероятно. Настоящее волшебство!

Джеймс невольно подумал:

«Хотя то, что мы вообще встретились и подружились — уже само по себе чудо».

В глубине души он мысленно вознес благодарность тому самому Мускулистому ангелу.

Он впервые в жизни принес обет истинной, хоть и безмолвной набожности:

«Слышь, приятель, обещаю больше никогда не ныть, что ты перевернул мою спокойную жизнь вверх дном. И клянусь, мне теперь плевать и на твои перекачанные бицепсы, и на то, какого ты там пола! Спасибо тебе за всё. Если решишь заглянуть еще раз, с меня причитается — обязательно угощу тебя чаем».

Дальше всё пошло как по маслу.

Один вел мелодию на гитаре, второй с удовольствием распевал слова. Музыканты понимали друг друга с полувзгляда, постепенно шлифуя и доводя песню до ума.

В строгом смысле слова автором стихов и музыки был Ланс. Однако дух Джеймса незримо витал в каждой строчке, в каждом аккорде.

У Джимми было редкое, почти звериное чутье на хорошую музыку. Он мгновенно улавливал

фальшь, замечал сырые переходы или скучные куски и тут же выдавал свои идеи. Пусть порой они звучали по-дилетантски, вроде: «Слушай, а давай тут поднимем тональность?», «Может, здесь уйти на фальцет?» или «Давай сделаем тут сбивку для объема?».

Ланс не отмахивался ни от одной задумки. С поразительным терпением и тактом он прислушивался к каждому слову, взвешивал все за и против, а если идея оказывалась стоящей — без лишних слов перекраивал аранжировку снова и снова.

Они крутили песню так и этак. Шлифовали до блеска.

Пока результат не устроил обоих на все сто процентов.

Ланс даже твердо решил для себя: когда придет время регистрировать авторские права, в графе соавторов обязательно будет стоять имя Джеймса.

Стоит упомянуть и сам сюжет трека. Песня велась от лица тайного воздыхателя, который настойчиво советовал девушке бросить своего напыщенного, фальшивого ухажера. Текст так и брызгал ядом, высмеивая каждый нелепый понт соперника: костюмчик от Сэвил-Роу (конечно же, дешевая реплика), новенький «Роллс-Ройс» (масштабная моделька на полке) и пафосное распитие дорожного «Лафита» (на деле оказавшегося обычным виноградным соком). Финал же бил наотмашь: «Бросай этого клоуна, крошка, и беги со мной! Я покажу тебе, что такое настоящий мужик!»

Кстати, насчет названия у них вышла нешуточная дискуссия.

Джеймс с пеной у рта доказывал, что слово «Меретришес» — слишком заумное, обычные пацаны на улицах его не поймут. Да и вообще, его нет в школьных учебниках, да и начинается оно не на букву «А». Он настаивал на чем-то попроще, в духе «Расстанься с ним» или «Брось этого козла». Такое название и запомнить легче, и бьет оно точно в цель — просто, емко и борзо.

Ланс, однако, уперся. Все эти «Бросай его» казались ему верхом пошлости и банальщины. К тому же он прекрасно понимал: Джимми бунтует исключительно из вредности — просто это чертово слово далось ему с таким трудом, что он затаил на него личную обиду.

Главное же крылось в подтексте. На первый взгляд песня действительно казалась развязной тирадой влюбленного наглеца, уводящего чужую девчонку. Но под этой легкой оберткой скрывался куда более глубокий смысл.

Ланс сомневался, поймет ли его Джеймс. Как и любой творец, он мучился вечным противоречием: страстно желал быть понятым и в то же время до смерти боялся оказаться прочитанным как открытая книга. Но одиночество пугало сильнее, а значит, надежда на понимание всё же перевешивала.

И Джимми не подвел.

Стоило ему вчитаться в строчки, как он тут же раскусил замысел друга.

О да, наш злопамятный гений решил выпустить пар!

Образ никчемного ухажера был карикатурой на школьную администрацию и всех этих замшелых ретроградов. Ланс со всем юношеским максимализмом и ехидством размазал их по стенке. Высмеял их вечное притворство, напыщенный снобизм и фальшивое джентльменство. За этой благообразной ширмой скрывались убогие, выхолощенные душонки — дешевые пластиковые пустышки, которые даже чертям в аду даром не сдались. Абсолютно мертвые изнутри ханжи, растерявшие последние крупы мужества. Словом — кастраты, а не мужики.

Конечно, это были лишь догадки. И Джеймс решил прощупать почву.

Один затаил надежду, второй — лукавый план. Когда Джеймс предложил: «Давай-ка я прогоню её еще разок», они обменялись заговорщицкими взглядами.

Ланс задумчиво прищурился. Его длинные пальцы уверенно легли на гриф, и комната вновь наполнилась чистыми, летящими звуками вступления...

Джеймс поначалу сосредоточенно кивал, ловя ритм с самым серьезным видом, но прямо перед первым куплетом внезапно скорчил дикую рожу.

Это было так неожиданно, что у Ланса едва не сорвался аккорд. Но прежде чем он успел возмутиться, Джеймс, уморительно подмигивая, вступил.

Не запел — намеренно кривляясь, развязно, с издевкой и наглой ухмылкой в голосе, полностью переиначивая настроение песни.

— Бросай его! Расстанься с ним! Да какой он, к черту, му-у-ужик!

На последних словах он издевательски растягивал гласные, нарочито четко выплевывая каждый слог, и выразительно косился на друга своими шальными зелеными глазами.

Ну и паршивец!

Его дурачество попало Лансу в самый нерв. Тот едва сдерживал улыбку, плотно сжав губы, но пальцы на струнах забегали еще быстрее, а музыка полилась свободным, безупречным потоком.

Им не требовались слова — всё стало ясно без лишних разговоров. На лице Ланса наконец проступила мягкая, искренняя улыбка. Джеймс тут же ответил ему хитрым, победоносным прищуром. Необъяснимая, чистая радость затопила обоих.

Мир вокруг словно преобразился. Невероятное, ни на что не похожее чувство! Две абсолютно разные души через музыку смогли соприкоснуться, слиться в идеальном резонансе, понимая друг друга без малейших барьеров.

Они заворуженно смотрели друг на друга еще несколько секунд после того, как затих последний аккорд. Но стоило песне закончиться, как волшебство мгновенно улетучилось. Оба парня тут же поспешно отвели глаза в стороны. Всё-таки пялиться друг на друга с таким томным видом — это уже какая-то девчачья лажа, аж передергивает!

Встряхнувшись, они тут же созвонились с Болдуином и Тео. Вся четверка спешно завалилась в старый гараж семейства Уилкин, чтобы обкатать свежий трек.

Пусть Болдуин и Тео не разглядели скрытого подтекста так же молниеносно, как Джеймс, песня с ходу им зашла — бодрый, цепляющий мотив заставил их качать головами в такт. К тому же её написал Ланс, их собственный гитарист. А для рок-группы «Планета» всё своё априори было лучшим на свете, так что трек был обречен на успех внутри коллектива.

Но стоило им начать играть по-настоящему, как произошло нечто из ряда вон выходящее. Гараж наполнила магия абсолютного единения, какого у них не случалось за все предыдущие месяцы репетиций.

Каждый выкладывался на полную, растворяясь в своей партии. Болдуин задавал четкий, хлесткий ритм на ударных; Тео вел плотную, пульсирующую басовую линию; гитара Ланса, как и всегда, выдавала сочные, безупречные пассажи. А вокал Джеймса... Джимми пел настолько нагло, глумливо и развратно, что его одновременно хотелось прибить на месте и задушить в объятиях, зацеловав до смерти!

Их сильные стороны слились воедино. Четверка сплотилась в безупречный, слаженно работающий механизм, рождающий собственную музыкальную вселенную. И в этой вселенной больше не пахло подражанием группе «Битлз» или группе «Роллинг Стоунз». Не было и следа чужого влияния.

Это был их собственный, дикий и прекрасный мир. Мир рок-группы «Планета» — единственный и неповторимый.